

В режиссерской рабочей тетради Шукшина осталась такая запись: *«Отец – расстрелян. Дядя Иван – расстрелян. Дядя Михаил – 18 лет отсидел в лагере, погиб на Колыме. Дядя Василий – сидел в тюрьме, попал в четвертый раз. Дядя Федор – умер в тюрьме. Дядя Иван Козлов – погиб на фронте. Дядя Илья – погиб на фронте в Финскую. Дядя Петр – погиб на фронте...»* (1).

Можно было бы, вчитываясь в эти строки, наверное, сказать «о нелёгкой судьбе русского крестьянства», «об ужасах XX века», «о последствиях революции и двух мировых войн», «о репрессиях сталинского режима», если бы не одно «но».

К примеру, тема репрессий против русских писателей в Советской России XX века, казалось бы, хорошо изучена. Даже несколько избыта. Хуже того – после очередной «русской революции» 1991-93 гг., пришедшие к власти так называемые «шестидесятники» (они же «кухонная

оппозиция режиму» с заслуженной антисоветской фигурой в кармане) даже составили свой собственный пантеон страдальцев. В основном – представителей творческой интеллигенции.

И с ними трудно поспорить – действительно, многие из попавших в «шестидесяточные святцы» одарённых людей страдали, жили в атмосфере страха и доносительства: на них доносили, да и сами они – нередко сообщали куда следует (архивы ВЧК\ОГПУ\НКВД\МГБ\КГБ до сих пор засекречены), коллективные расстрельные письма подписывали (это-то вплоть до 1993 года) и так далее.

Повторюсь – об этом много написано. Но одно для меня всегда оставалось загадкой. Почему страдальцы с «философского теплохода» (**Бердяев, Ильин, Лосский, Франк** и другие) были тихо и с комфортом отправлены страдать за границу? А страдальца **Ахматова** (жена расстрелянного «врага народа» и мать отбывающего заключение «врага народа») страдала в писательском посёлке Комарово (под Ленинградом) – на государственный счёт (и в блокадный Ленинград за ней и за другим страдальцем – Зоценко – был послан специальный самолёт, чтобы вывезти их, а не десять, к примеру, голодающих детей)? А страдалец **Пастернак** – страдал также на государственный счёт на собственной даче в другом писательском посёлке – Переделкино (под Москвой), а пьесы в его переводах шли по всей стране (и приносили исправный доход)? Почему ещё один страдалец (**Михаил Булгаков**) писал отчаянные письма Сталину о том, что недостаёт средств устраивать привычные приёмы гостям – и кровавый тиран распорядился возобновить пьесы писателя во МХАТе, а другого страдальца (**Андрея Платонова**) – лично раскритиковав за антисоветскую пьесу, Сталин препоручал на «перевоспитание» **Горькому** (и попутно одаривал двухкомнатной квартирой в центре Москвы)?

Безусловно, за всем этим были, скорее всего, и бессонные ночи в ожидании ареста, и липкий страх смерти, и «самые печальные на свете измены – себе самому». Но – почему на фоне всех этих страданий (без кавычек) была и остаётся только одна группа русских писателей, уничтоженная под корень: где убили всех, до единого?

Я говорю о «новокрестьянских поэтах». Такой термин принят сегодня в литературоведении. В реальной литературной жизни этих писателей (не только поэтов, но и прозаиков) чаще всего называли «крестьянскими» (это нейтрально), а также «крестьянствующими» или «мужиковствующими» (это уже обличительно) – например, **Маяковский** с подачи **Троцкого** и **Бухарина**: «мужиковствующих свора» (7).

Все они были убиты. В два приёма: в 1925 году – расстрелян **Алексей Ганин** и убит (инсценировка самоубийства) **Сергей Есенин**; в 1937–38 гг. – расстреляны остальные: **Павел Васильев, Сергей Клычков, Николай Клюев, Пётр Орешин**.

Не высланы за границу, не отправлены на Колыму (на «перековку»). А расстреляны. Почему?

Подобную избирательную ненависть большевики проявили до этого только однажды: расстреляв сразу после переворота всех видных монархистов, до каких смогли дотянуться. Публициста **М.О. Меньшикова** (на глазах семьи), лидера «Союза русского народа» **А.И. Дубровина**, священномученика **Иоанна Восторгова** и других. При этом близких им по духу будущих лидеров Белого движения (устроителей Февральского переворота) в это же самое время отпускали под «честное слово»...

Чтобы понять причины столь избирательной ненависти новой власти к крестьянским писателям – надо постараться понять, что такое русское крестьянство вообще? И здесь нам помогут классики русской литературы, в частности – сначала уехавший от революции 1917 года, а после «прощённый» советской властью и вернувшийся **А.И. Куприн**.

«Когда говорят «русский народ», я всегда думаю – «русский крестьянин», – писал **Александр Куприн**. – Да и как же иначе думать, если мужик всегда составлял восемьдесят процентов российского народонаселения. Я, право, не знаю, кто он, богоносец ли, по Достоевскому, или свинья, по Горькому. Я знаю только, что я ему бесконечно много должен: ел его хлеб, писал и думал на его чудесном языке, и за все это не дал ему ни соринки. Сказал бы, что люблю его, но какая же это любовь без всякой надежды на взаимность» (4, 145).

Здесь Куприн сказал самое, как мне кажется, главное: не только отождествил понятия «русский народ» и «русское крестьянство», но и невыразимо печально отметил ту сословную пропасть, что отделяет его от народа.

Даже самые «народные» классики русской литературы это понимали, и когда говорили о своём «знании народа», подчёркивали *внешний* характер этого знания. Так **Лесков** писал: «Я не изучал народ по разговорам с петербургскими извозчиками, а я вырос в народе, на гостомельском выгоне, с казанком в руке, я спал с ним на росистой траве ночного... Я с народом был свой человек, и у меня есть в нём много кумовьёв и приятелей» (5, 14).

То есть «я» отдельно, «народ» отдельно. То же можно сказать и про неудавшееся «опрошение» **Толстого**. И про «рыдающую музу» **Некрасова**, и о пророческом ощущении этого трагического раскола **Блоком**...

Только в начале XX века, с успехами земского просвещения в России и повсеместным распространением грамотности, сложилась такая ситуация, когда народ заговорил сам – своим языком и в лице своих же чрезвычайных и полномочных представителей: новокрестьянских поэтов.

Это случилось ещё до революции 1917 года, однако именно с этой революцией – новокрестьянские поэты связывали осуществление своей заветной мечты: построение «мужичьего рая» на Земле.

Проблема заключалась лишь в одном: идеологи и строители победившей в Октябре большевистской доктрины так не думали. Больше того, уже начиная с «отцов-теоретиков» научного коммунизма именно крестьянство (7/8 населения России) рассматривалось как неисправимо «реакционный класс», на основании этого **Энгельс** (8) называл реакционными «целые народы» (известны его слова о русских и славянах вообще). Это – теоретики.

Что уж тут говорить о «практиках» военного коммунизма в лице **Троцкого, Свердлова, Бухарина, Каменева** и других?

Поэтому неудивительно, что другой ярый ненавистник крестьянства, уже упоминавшийся **Максим Горький**, прочтя роман **Сергея Клычкова** «Сахарный немец», писал **Бухарину**:

«Надо бы, дорогой товарищ, Вам или Троцкому указать писателям-рабочим на тот факт, что рядом с их работой уже возникает работа писателей-крестьян и что здесь возможен, – даже, пожалуй, неизбежен конфликт двух «направлений». Всякая цензура тут была бы лишь вредна и лишь заострила бы идеологию мужикопоклонников и деревнелюбов, но критика – и нещадная – этой идеологии должна быть дана теперь же. Талантливый трогательный плач Есенина о деревенском рае – не та лирика, которой требует время и его задачи, огромность которых невозможна...» (3, 188).

«Дорогой товарищ Бухарин» не стал медлить, и написал о лирике Есенина, определив её как «смесь из «кобелей», «икон», «сисястых баб», «жарких свечей», березок, луны, сук, господ бога, некрофилии, обильных пьяных слез и «трагической» пьяной икоты...» (2, 15).

Про последовавшие «оргвыводы» другого «дорогого товарища» – «товарища Маузера» – я уже писал.

Чем же так поругала крестьянская Русь и её идеологи – захвативших в стране власть марксистов-интернационалистов?

Ответ, как ни странно, мы можем получить из 1942 года, когда созданная страшным потом и кровью новая государственность висела на волоске.

И.Р. Шафаревич приводит в своей работе «Две дороги к одному обрыву» следующие сведения:

«В своих воспоминаниях **Черчилль** рассказывает, что, когда во время Сталинградского сражения он подивился самообладанию **Сталина**, тот ответил: это ничто в сравнении с тем, что ему пришлось пережить «в период коллективизации, когда было репрессировано 10 миллионов кулаков, в подавляющем большинстве убитых своими батраками». Естественно предположить, что «великий перелом», который был для Сталина страшнее войны с Гитлером, и являлся центральным действием» (2, 15) в послереволюционной истории России.

Чтобы понять, что происходило тогда в стране – достаточно вспомнить, что порядка 500 (!) крупных и мелких крестьянских восстаний полыхало в 20-30-е годы на просторах одной шестой мировой суши (10). От самых известных – Антоновского на Тамбовщине или Якутского в Сибири до малых вооружённых выступлений практически везде, где прокатилось кровавое колесо коллективизации.

Никогда власть интернационала так не шаталась, как в эти годы.

А что же крестьянские писатели? А они пишут. Сочувственно. Разочаровавшись в обещаниях новой власти. Осознав, что никакой «мужичий рай» пивными теоретиками научного коммунизма не планировался, также как и их неистовыми практикантами. Что сами крестьяне, да и Россия в целом рассматривались практикантами всего лишь как хворост в топку мировой революции (тот же Лейба Троцкий хотел, например, править миром из Нью-Йорка, там неизмеримо комфортнее и привычнее, к слову сказать, было «демону революции»).

И вот у Есенина за год до убийства появляется поэма «Страна негодяев» с узнаваемыми прототипами Троцкого (комиссар Рассветов-Лейбман) и Махно (лидер повстанцев Номак). С собою же в последнюю свою поездку в Ленинград он увозит готовую поэму «Гуляй поле» (после смерти бесследно исчезнет). Клюев пишет «Погорельщину», Клычков – «Сахарного немца» и «Чертухинского балакиря». Произведения, где даются хотя и опосредованные, но очень нелестные оценки действительности.

И в отличие от «нытиков-интеллигентов» за крестьянскими писателями стоит сила, хотя и разрозненная, и сбитая с толку, но единственная реальная сила в России – крестьянство, 7/8 населения страны. Тот же Троцкий, как пишет **И.Л. Солоневич** в «Народной монархии», заметил: «Если бы белогвардейцы догадались выбросить лозунг Кулацкого Царя, – мы не удержались бы и двух недель» (6, 33).

Белые не догадались, «ссловное» мешало, а вот красные очень хорошо понимали, кто есть хозяин земли русской. Также как понимали, что впервые, пожалуй, за последние несколько веков у этого хозяина появились яркие, талантливые идеологи – плоть от плоти и дух от духа его.

Дальнейшее было «вопросом техники»...

Поэтому, особенно не доверяясь предателю **Суворову-Резуну** или гражданину Вермонта **Солженицыну** и их голословной цифири – возьмём за данность цифры человека, лучше кого-либо ещё осведомлённого о масштабах и конкретике репрессий: самого Сталина. Десять миллионов «кулаков, в подавляющем большинстве своём убитых своими батраками».

Про батраков не будем, зачем пояснять лидеру иностранного государства и временному союзнику необходимость применения боевых отравляющих веществ против собственного народа, массовые расстрелы заложников, войска НКВД и прочие детали «великого перелома». Достаточно и сказанного.

Кстати, слова Сталина несложно соотнести с данными дореволюционной статистики. К 1914 году в Российской империи насчитывалось 589293 – сёл, деревень, хуторов (без Финляндии). Минус 40850 в Польше. Получаем – 548443.

Сталинских «десять миллионов кулаков» делим на 548 443 деревень и сёл, получаем 18 человек с деревни (села, хутора). Это по 3-4 «кулацких» семьи с 4-5 детьми. Где больше, где меньше. Именно так это и описано у **М.А. Шолохова** в «Поднятой целине» и у **В.И. Белова** в трилогии о коллективизации «Час шестый».

* * *

Чувствовал ли свою кровную, родовую и культурную связь с расстрелянными «новокрестьянскими поэтами» В.М. Шукшин? Вопрос излишний. Вот, что он говорит в монологе «На лестнице»:

«Может быть, тут сказывается та большая совесть нашего народа, его неподдельное чувство прекрасного, которые не позволили забыть древнюю простую красоту храма, душевную песню, икону, Есенина, милого Ваньку-дурачка из сказки... Впрочем, Ванька-то, пожалуй, забывается, и даже имя его – все реже и реже... Опять надежда на деревню: может, хоть там не забудут про Ивана. Иван на Руси славные делал дела! И землю пахал, и книжки писал, и песни складывал, и машины изобретал, и города строил. И неплохо» (11).

Тут Василий Макарович говорит не только о своём любимом Есенине (сравните – в рассказе «Верую»: «Прожил он мало, ровно с песню, но иначе она не была бы столь щемящей, оттого и не бывает длинных песен...» [11]). Здесь же возникает и ещё один излюбленный герой Шукшина – Ванька-дурачок.

Не будем вдаваться в довольно изученную тему шукшинских «чудиков», а напрямую перейдём к завещанию писателя, к его пророческой сказке «**Ванька, смотри!**» (подцензурное название «**До третьих петухов**»).

Есть много предположений, кого Шукшин замаскировал под «злыми персонажами» этой сказки: от советской бюрократии до вездесущего КГБ. Что в целом – верно.

Так в одном из самых недавних размышлений на эту тему в «Новом мире» утверждается, что Баба-Яга и её дочь – это «критика сталинского периода» и «современная Шукшину критика», Мудрец – «чиновник от культуры», Змей Горыныч – «классик соцреализма». Есть в новомировской статье и более острые выводы: черти, захватившие монастырь – это «евреи», «чужие», а Изящный чёрт – вообще чуть ли не учитель и «кинематографический мастер Шукшина – Михаил Ромм».

Ванька перед всеми ними «пляшет» ... и «предает монахов», «пускает чертей в монастырь». Авторы статьи утверждают, что об этом же, цитируя сказку Шукшина, «говорил и Палиевский» в знаменитой дискуссии «Классика и мы» (12).

Мне всё же думается, что, не вдаваясь в крайности, правильно будет обозначить этот «культурный слой» русской послереволюционной жизни словами **Солженицына**: «образованщина». Именно они были (и остаются) «бюрократами» (в том числе – и от культуры), да и осведомителями КГБ тоже.

Другой современник Шукшина, **Николай Рубцов** именно про них написал:

*«Но все они опутаны всерьез
Какой-то общей нервной системой:
Случайный крик, раздавшись над богемой,
Доводит всех до крика и до слез!...»* (13).

Так чем же допекают Ваньку эти «злые», Баба Яга, её дочь, Змей Горыныч, мудрец, наконец, черти, захватившие монастырь? А они от него требуют, по сути, только одного: спляши!

И вот здесь, помимо очевидной метафоры: «**плясать под чужую дудку**», открывается и совсем неожиданный пласт смыслов. Дело в том, что и сам В.М. Шукшин, о котором В.И. Белов вспоминает, как они «плясали под гармонь на Пасху 1964 года» (14, 49), и его любимый поэт С.А. Есенин любили плясать. Так Анна Назарова писала в воспоминаниях: «Вхожу. Публики еще никого, было еще рано. Пьяный Есенин что-то пляшет» (15, 26).

А это было, помимо всего прочего, на фоне «расстрельной» и «богемно-неприязненной» действительности, и для того, и для другого ещё и формой юродства.

Недаром один из самых близких к «новокрестьянским поэтам», доживший до 50-х годов XX века, **Пимен Карпов** – именно в декабре 1925 года, в дни убийства Есенина, напишет стихотворение «**История дурака**»:

*Ты страшен. В пику всем Европам...
Став людоедом, эфиопом, –
На царство впер ты сгоряча
Над палачами палача.
Глупцы с тобой «ура» орали,
Чекисты с русских скальпы драли,
Из скальпов завели «экспорт» –
Того не разберёт сам чёрт!*

*В кровавом раже идиотском
Ты куролесил с Лейбой Троцким,
А сколько этот шкур дерёт –
Сам чёрт того не разберёт!
Но все же толковал ты с жаром:
«При Лейбе буду... лейб-гусаром!»
Увы! – Остался ни при чём:
«Ильич» разбит параличом,
А Лейба вылетел «в отставку»!
С чекистами устроив давку
И сто очков вперед им дав,
Кавказский вынырнул удав –
Наркомубийца Джугашвили!
При нем волками все завьли:
Танцуют смертное «танго» –
Не разберёт сам чёрт того!
Хотя удав и с кличкой «Сталин» –
Всё проплясали, просвистали!..
Дурак, не затевай затей:
Пляши, и никаких чертей! (3)*

Строка Пимена Карпова «При Лейбе буду... лейб-гусаром!» - напрямую адресуется к Есенину, который неоднократно заявлял о своей «дружбе с Троцким». Последний и впрямь на смерть поэта откликнулся весьма сочувственной статьёй. А Есенин ещё за несколько дней до убийства «сидя в пивной напротив Тарасова-Родионова, говорил:

– Я очень люблю Троцкого, хотя он кое-что пишет очень неверно...»

* * *

Не правда ли, «пляшущий Есенин», пляшущий «дурак» Пимена Карпова, написанный в дни гибели Есенина – актуальная переключка со сказкой Шукшина? Вряд ли Василий Макарович знал про это стихотворение, но то, что смысловое поле одно – это совершенно очевидно!

А дальше – дальше, увы, уже сбывается шукшинское пророчество. И именно в то время, когда русская жизнь, ценою десятков миллионов жертв и коллективизации, и расказачивания, и Второй мировой войны – этою невероятною ценою, которую заплатил русский народ – восстанавливается к 70-80 гг. XX века; когда по слову **В.Г. Распутина**: «Россия переварила коммунизм» (16), когда шукшинский «Иван на Руси славные делал дела! И землю пахал, и книжки писал, и песни складывал, и машины изобретал, и города строил...», и выходил в космос, и создал новейшие сложнейшие системы обороны и промышленности (благодаря чему мы до сих пор живы), вот тогда в России запускают «новую революцию», так называемую «перестройку и перестрелку».

И тут придётся говорить про другого шукшинского Ивана, из сказки «Ванька, смотри!», плясавшего под чужую дудку с конца 80-х XX века, и проплясавшего полстраны и 20 миллионов своих соотечественников, Украину и великую русскую культуру второй половины XX века с Бондарчуком и Распутиным, Свиридовым и Шукшиным, – говорить с невыразимой грустью и печалью!

Другой вопрос, что наш исторический опыт даёт нам всё-таки право на сдержанный оптимизм. Все мы недавно стали свидетелями *Русской весны* и возврата Крыма. Поэтому закончить статья я всё-таки хочу стихами современного русского поэта **Владислава Артёмова** про русский народ:

*«Какой-то странный здесь народец,
Нигде такого не бывает:
Ломают лифт, плюют в колодец
И матом речь пересыпают.*

*Травили, били их – да что там,
Не удаётся их угробить.
Их вообще-то, по расчётам,
Уже на свете не должно быть.*

*Они так страшно воевали –
И возвращались, обессилив;
Их в землю по уши вбивали,
Их миллионами косили.*

*Всему на свете есть причина.
Народ таинственный и жуткий...
Он отрастает, как щетина,
Из-под земли на третьи сутки».*

Список литературы:

Белов В.И. Заболоцкий А.Д. Тяжесть креста. Шукшин в кадре и за кадром. М.: Советский писатель, 2002.

Шафаревич И. Р. Полное собрание сочинений. В 6 т. Т. 2. // М.: Институт русской цивилизации, 2014

Куняев С.Ю. Куняев С.С. Сергей Есенин.//М.: 2006

«Сибирь», М.: 2019, №4//Байборodin А.Г. Русский обычай.

Лесков Н.С. Избранные сочинения. М., 2004.

Солоневич И.Л. Народная монархия. М.: Изд. фирма «Феникс» ГАСК СК СССР, 1991.

Журнал «Лев», М.-П, 1924, № 2//Маяковский В.В. Юбилейное.

«Россия и современный мир», М.: 2003, №4//Шмелев Г.И. К. Маркс и Ф. Энгельс без пьедестала.

Кожин В.В. Россия. Век XX. [http://rus-sky.com/history/library/kozhinov/2\(2\).htm](http://rus-sky.com/history/library/kozhinov/2(2).htm)

П. Ф. Алешкин, Ю. А. Васильев. Крестьянские восстания в России в 1918–1922 гг. От махновщины доантоновщины https://royallib.com/read/vasilev_yuriy/krestyanskie_vosstaniya_v_rossii_v_19181922_gg_ot_mahnovshchini_do_antonovshchini.html#934560

В.М. Шукшин. Собрание сочинений в трех томах. Тома 1-3.

«Новый мир», М.: 2018, №6 //Горбушин С.А., Обухов Е.Я. «До третьих петухов» как исповедь-завещание Василия Шукшина. http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2018_5/Content/Publication6_6912/Default.aspx

Рубцов Николай Михайлович. Собрание стихотворений в 3 томах. М.: Терра, 2000.

Варламов А.Н. Шукшин. М.: Молодая гвардия, 2015.

Зинин С.И. Неизвестный Есенин. В плену у Бениславской, М.: «Эксмо», 2010

«Литературная Россия», М.: 1991, 17.11.1991// Распутин В.Г. Интервью.

«Русский писатель», М.: 2016 //Артёмов В.В. Свет золотой. <https://rospisatel.ru/artemov-novoje.htm>